

© 2018 г.

И.С. РЫБАЧЁНОК

РОССИЯ И БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС 1878 года

Рыбачёнок Ирина Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.7868/S0130386418030101

Исследователи неслучайно образно уподобляют Берлинский конгресс вершухе айсберга, в основе которого скрывались двусторонние и многосторонние торги на протяжении ряда лет, согласование позиций, шантаж и уступки. Этот форум явился завершающим звеном разыгравшегося на Балканах в 1875–1878 гг. международного кризиса. Связанные с ним события нашли отражение в многочисленных публикациях документов и породили огромную литературу.

Источниковая база, позволяющая раскрыть многие аспекты проблемы, широка и разнообразна: здесь акты материалы, делопроизводство (официальная и личная дипломатическая переписка), мемуары, публицистика. Многие ведущие европейские периодические издания отправили на Берлинский конгресс своих специальных корреспондентов, которые изо дня в день следили за происходившим. Русские журналисты также держали соотечественников в курсе событий: в газетах печатались телеграммы и сообщения, передовые статьи и фельетоны, обозрения и интервью. По завершении работ был обнародован текст Берлинского трактата¹, а в ряде периодических изданий – протоколы конгресса². Существенный вклад в информационный поток вносят мемуары и дневники современников и участников событий³, отразившие их личную точку зрения и позволяющие исследователю взглянуть на проблему с разных ракурсов для формирования более адекватных оценок.

В научный оборот введен значительный корпус дипломатических документов, как опубликованных, так и хранящихся в архивах. Основные публикации хорошо известны⁴ и легли в основу многих исследований. Вместе с тем изыскания в архивах, мемуары

¹ Официальное издание на французском языке.

² См.: Московские ведомости, Русские ведомости, Петербургские ведомости, Голос – полный текст; Русский мир, газета Гаука – краткое изложение.

³ [Горчаков А.М.] Рассказы А.М. Горчакова. – Русская старина, 1883, № 10; *Бобриков Г.И.* Воспоминание о Берлинском конгрессе. – Русский вестник, 1889, т. 205, декабрь; *его же.* В Берлине на конгрессе. – Русская старина, 1913, февраль; *Мещерский В.* Мои воспоминания (1865–1881), ч. II. СПб., 1898; *Газеткамф М.* Мой дневник, 1877–1878. СПб., 1908; *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии и политики. СПб., 1908; *Mouney Ch. de.* Souvenirs et sauseries d'un diplomate. Paris, 1909; Берлинский конгресс 1878 г. (Дневник, веденный на месте Д.Г. Анучиным). – Русская старина, 1912; *Иванов Н.П.* Записки. – Исторический вестник, 1914, т. 138, № 1, 2; *его же.* Сан-Стефано. – Исторический вестник, 1915, т. 139, № 3; т. 140, № 6; *его же.* После Сан-Стефано. Записки. Пг., 1916; *Nelidov A.* Souvenirs d'après la guerre 1877–1878. – Revue des Deux Mondes, 1915, 15 novembre; *Феоктистов Е.М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М., 1991; *Waddington F.* La France au Congrès de Berlin (juin-juillet 1878). – Revue politique et parlementaire, 1933, September, v. 66, № 466; П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. – Красный архив, 1933, т. 4(59); *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания, т. 2. М., 1940; *Милютин Д.А.* Дневник Д.А. Милютина. Т. 1. 1873–1975. М., 1947; Т. 2. 1876–1877. М., 1949; Т. 3. 1878–1880. М., 1950; *Валуев П.А.* Дневник министра внутренних дел, т. III. М., 1961; Дневник государственного секретаря А.А. Половцова, т. II. М., 1966; *Кумани А.М.* Воспоминания. 1878–1881 гг. М., 2015.

⁴ Les protocoles du Congrès de Berlin avec le traité préliminaire de San-Stefano du 19 février (3 mars) 1878 et le traité de Berlin du 13 juillet 1878. St.-Petersbourg, 1878; Das Staatsarchiv: Sammlung Der Offiziellen Aktenstücke Zur Aussenpolitik Der Gegenwart. Leipzig, 1878; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание

современников, материалы периодики и ныне позволяют уточнить многие факты и дополнить оценки.

Литература, посвященная проблеме, весьма многообразна и многочисленна. Здесь обобщающие работы по истории международных отношений в целом⁵, специальные монографические исследования, освещающие кризис на Балканах и Берлинский конгресс⁶, и статьи по отдельным вопросам⁷.

трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 8. СПб., 1888; Особое прибавление к «Описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», вып. I–VI. СПб., 1900; *Bareilles B.* Le rapport secret sur le Congrès de Berlin, adressé à la Sublime Porte par Karathéodory Pacha. Paris, 1919; *Pribram A.F.* The secret treaties of Austria-Hungary, v. II. Harvard, 1921; *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Bd. 2. Der Berliner Kongress und seine Vorgeschichte.* Berlin. 1922; Русско-германские отношения 1873–1914 (документы из секретного архива бывшего Министерства иностранных дел). М., 1922; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925; *Documents diplomatiques français (1871–1914)*, 1-e sér., t. 2. Paris, 1930; Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы, в 3-х т. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. М., 1961; Т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период Русско-турецкой войны. 1877–1878. М., 1964; Т. 3. Борьба России и болгарского народа за создание болгарского государства. 1878–1879. М., 1967; Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. М., 1978. В юбилейном сборнике «Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения» (М., 1998) опубликовано два неизданных ранее документа.

⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. СПб., 1879; *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1911; *Кравченко Н.Н.* Очерки из истории международных отношений конца XIX – начала XX в. Т. 1. Берлинский конгресс 1878 г. и Тройственный союз. Саратов, 1925; *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladston and the Eastern Question: A Study in Diplomacy and Party Politics. London, 1935; *Leidner F.* Die Aussenpolitik Österreich-Ungarns 1870–1879. London, 1936; *Sumner B.H.* Russia and the Balkans 1870–1880. London, 1937; *Stojanovic M.D.* The Great Powers and The Balkans. 1875–1878. London, 1939; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы, т. II. М., 1947; *Goriatnow S.* La question d' Orient à la veille du traité de Berlin (1870–1876), d'après les archives russes. Paris, 1948; *Langer W.L.* European Alliances and Alignments 1871–1890. New York, 1950; *Тейлор А.* Борьба за господство в Европе. 1948–1918 гг. М., 1958; *Нарочницкий А.Л.* Балканский кризис 1875–1878 гг. и великие державы. – Вопросы истории, 1976, № 11; Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986; *Антонэн Д.* Дипломатическая история Европы: Священный союз от Венского до Берлинского конгресса, 1814–1878 гг., т. 1. Ростов-на-Дону, 1995.

⁶ *Sosnosky Th.* Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866, Bd. 1. Stuttgart – Berlin, 1913; *Munro H.F.* The Berlin congress. Washington, 1918; *Woodward E.L.* The Congress of Berlin, 1878. London, 1920; *Miller M.* Die Bedeutung des Berliner Kongresses für die deutsch-russischen Beziehungen. Borna – Leipzig, 1927; *Wirthwein W.G.* Britain and the Balkan crisis 1875–1878. New York, 1935; *Harris A.* A Diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875–1878. London – New York, 1936; *Medlicott W.N.* The congress of Berlin and after. A diplomatic history of the Near Eastern settlement 1878–1880. London, 1938; *Елисеева Е.К.* Из истории агрессивной политики Великобритании на Ближнем Востоке в 1875–1876 гг. – Ученые записки МГПИ им. Потемкина, т. XIV, вып. 1. М., 1951; *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956; История дипломатии, 2-е изд., т. II. М., 1963; *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974; *Виноградов К.Б.* Позиция европейских держав в начале балканского кризиса 70-х гг. XIX в. М., 1974; *Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И.* Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978; *Виноградов В.Н.* Дизраэли, Гладстон и Шувалов в канун Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – Новая и новейшая история, 1978, № 2, 3; *его же.* Русско-турецкая война 1877–1878 годов и европейские державы. – Новая и новейшая история, 2009, № 1; *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1984; *Хевролина В.М.* Восточный кризис 70-х годов XIX в. – История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999; *Рыбачёнок И.С.* Берлинский конгресс 1878 г.: мифы и реальность. – Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2016.

⁷ *Реутов Г.Н.* Планы Великобритании в Восточном Средиземноморье и подготовка захвата Кипра (1876–1878). – Ученые записки Выборгского государственного педагогического

Политика великих держав на Балканах в годы кризиса по-разному трактуется в исторической литературе. В ней, по словам академика А.Л. Нарочницкого, «можно обнаружить калейдоскопическое разнообразие оценок Берлинского конгресса, продиктованных экспансионистскими устремлениями великих держав, а также территориальными противоречиями между самими балканскими государствами. На многих из таких оценок лежит печать национальной или даже еще более узкой, локальной или групповой, ограниченности»⁸. Совершенно очевидно, что такой разноречивый продиктован геополитическими интересами всех акторов – великих европейских держав, Турции, балканских стран, что неизбежно отразилось и на трудах историков.

В историографии сложилось и закрепилось множество мифов о причинах, характере и итогах Восточного кризиса и Берлинского конгресса. Среди них тезисы об «оборонительной» политике Англии против «русской агрессии» и охране ее целостности Османской империи; о роли Австро-Венгрии как «бескорыстной защитницы» порядка в Боснии и Герцеговине; о национально-религиозных мотивах политики России по отношению к балканским славянам и провоцировании ею их выступлений; о беспристрастной позиции Германии по отношению к своим союзницам Австро-Венгрии и России, о роли князя Бисмарка на Берлинском конгрессе как «честного маклера» и др.

Вместе с тем по мере публикации документов и появлении новых исследований оценки постепенно трансформировались. Сопоставление выводов разных авторов позволяет скорректировать националистическую идеализацию политики каждой из великих держав, а их вмешательство в кризис на Балканах в собственных интересах в ходе освободительного движения подвластных туркам народов убедительно характеризовать как политику раздела Османской империи, что и зафиксировал Берлинский конгресс.

Диапазон оценок Берлинского конгресса как современниками, так и историками широк. Попытаемся понять, стал ли этот международный форум дипломатическим поражением России за столом переговоров или закономерным результатом предшествовавшей политики правящих верхов. Насколько корректно ими были сформулированы цели и адекватно выбраны методы их достижения. Какова роль тех или иных лиц в высших эшелонах власти в принятии и осуществлении ответственных решений.

Один из членов русской делегации, испытавший на Берлинском конгрессе горькое разочарование в исходе дела, вместе с тем утверждал: «этот международный акт был только продуктом подготовившей его исторической эпохи», и его «нельзя рассматривать как отдельное явление государственной жизни, а непременно в общей связи с породившими его предшествовавшими событиями»⁹. То же констатирует историк:

института, т. 1, вып. 1. Выборг, 1957; *Адо В.И.* Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России. – Исторические записки, т. 69. М., 1961; *Сказкин С.Д.* Дипломатия А.М. Горчакова в последние годы его канцлерства. – Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964; *Бескровный Л.Г.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – Вопросы истории, 1967, № 6; *Нарочницкий А.Л.* Балканский кризис и великие державы. – Новая и новейшая история, 1976, № 2; *его же.* Берлинский конгресс, Россия и южные славяне. – Новая и новейшая история, 1979, № 2; *Киняпина Н.С.* Основные этапы политики России в восточном кризисе 1875–1878 гг. – Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981; *ее же.* Александр Михайлович Горчаков. – Вопросы истории, 1997, № 12; *ее же.* А.М. Горчаков: личность и политика. – Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения; *Рыбачёнок И.С.* Восточный кризис 1875–1878 гг. и Русско-турецкая война на страницах газеты «Московские ведомости». – Россия и восточный кризис...; *Цимбаев Н.И.* Речь И.С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества. – Там же; *Чернов С.Л.* Некоторые аспекты внешнеполитической программы России на заключительном этапе восточного кризиса 70-х годов XIX в. – Там же; *Мамонов А.В.* Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875–1877 годах. – Отечественная история, 2004, № 3.

⁸ *Нарочницкий А.Л.* Берлинский конгресс, Россия..., с. 72.

⁹ *Бобриков Г.И.* Воспоминание..., с. 4.

недостаточно анализа одних протоколов Берлинского конгресса, чтобы получить картину его итогов и значения¹⁰. Таким образом, для возможного ответа на поставленные вопросы следует рассмотреть дипломатическую борьбу держав, происходившую не только на конгрессе, но и до него, учитывая решения, принятые в ходе основных этапов Восточного кризиса.

НАЧАЛО ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА

Кризис 1875–1878 гг. явился определенным этапом в эволюции Восточного вопроса в целом. Подавление национально-освободительного движения сербов, черногорцев и болгар, вызванного невыполнением обещания провести реформы, уравнивающие права мусульманских и христианских подданных, велось Портой под лозунгом сохранения государственного единства турецкой империи.

Восстание против турецкого господства вспыхнуло в Боснии и Герцеговине летом 1875 г. Попытка консулов великих держав в Турции оказать умиротворяющее воздействие не удалась, и движение ширилось. Австро-Венгрия стремилась не допустить ни присоединения Боснии к автономной Сербии, а Герцеговины – к Черногории, ни образования автономных областей. Россия, в отличие от западных держав поддерживавшая освободительную борьбу народов, вместе с тем для умиротворения Балкан была готова действовать совместно с партнерами по Союзу трех императоров – Германией и Австро-Венгрией. Еще в 1873 г. канцлер А.М. Горчаков и министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши на встрече в Вене договорились не вмешиваться в конфликт Порты и ее христианских подданных.

Поэтому Вена от имени трех держав выступила с программой реформ. В ноте Андраши 30 декабря для восстановления «порядка на Балканах» султану предлагалось: ввести свободу вероисповедания; ликвидировать откупную систему; использовать налоги в Боснии и Герцеговине только на местные нужды; а наблюдение за ходом реформ возложить на смешанную комиссию из мусульман и христиан. В Вене надеялись получить поддержку плана со стороны всех великих держав, прежде всего Петербурга. Казалось, основания для этого были.

Но выработанные полумеры, в целом одобренные европейскими правительствами и отчасти принятые султаном, не смогли принудить повстанцев прекратить военные действия, которые перекинулись в Сербию, Черногорию и Болгарию. Размах движения создавал для Петербурга новую ситуацию и ставил вопрос о дальнейших шагах – возможности вмешательства в конфликт. И Александр II, и Горчаков, боясь повторения «крымской ситуации» – изоляции России на международной арене, – держались примирительной тактики. В невозможности близкой войны царь был уверен в январе 1876 г., тогда как военный министр Д.А. Милютин, напротив, полагал, что она вероятна и следует составить план мобилизации, увязанный с конкретными целями¹¹.

В правящих верхах явно обозначились разногласия относительно методов разрешения Восточного кризиса, а в некоторых слоях общества нарастало движение в поддержку «славянского дела», иронично именовавшегося более взвешенными умами «братушколюбием». Александр II колебался. Этот ментальный диссонанс между восприятием мессианской роли России на Балканах и возможностью неблагоприятных для нее последствий в случае европейской войны был непреодолим. Тем временем канцлер поддерживал в монархе убеждение в возможности дипломатическим мерами добиться некоторого улучшения положения славян.

На инициированном Петербургом совещании в Берлине 1(13) мая 1876 г. Горчаков представил проект меморандума с более радикальным, чем у Андраши, вариантом смягчения кризиса, в том числе предоставления автономии Боснии и Герцеговине.

¹⁰ См. *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе..., с. 101.

¹¹ См.: *Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И.* Указ. соч., с. 217; *Милютин Д.А.* Указ. соч., т. 2, с. 34.

Однако германский рейхсканцлер Бисмарк поддержал план Андраши, который ограничивал требования к султану проведением реформ¹². Отражавший мнение трех дворов документ одобрили в Париже и в Риме, но отвергли в Лондоне, где заявили, что тем самым якобы нарушаются суверенные права Порты. За такой «заботой» стоял расчет сохранить доминирование Великобритании на Средиземном море, не допустить изменения статус-кво на Балканах и в Проливах и углубить разногласия в Союзе трех императоров¹³.

Провал Берлинского меморандума, по свидетельству современников, усугубил колебания Александра II: «Если нас заставят воевать, — мы будем воевать, но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне... Германия и Австрия не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны»¹⁴. Между тем общественное возмущение в России в поддержку восставших ширилось, становясь фактором давления на правительство.

В июне 1876 г. после зверской расправы турецких войск с болгарями Сербия и Черногория объявили Порте войну. Эти события вызвали широкий отклик в российском обществе: пресса порицала жестокость турок, выражала сочувствие единоверцам, а славянские комитеты собирали пожертвования в поддержку повстанцев, проводили манифестации и координировали отправку добровольцев на Балканы¹⁵. Российское правительство не препятствовало этому движению, но официально дистанцировалось от него.

По оценке С.С. Татищева, «общественное движение было так сильно, до того проникло во все слои и круги, не исключая и высших, до самого подножия престола, что немногие противоречивые голоса раздавались втуне и никем не услышанные». Историк цитирует один из таких голосов — письмо князя П.А. Вяземского с тщетными предостережениями, оказавшимися пророческими. «Все, что делается по Восточному вопросу, настоящий и головоломный кошмар. Правительства не видать и не слышать... Правительства не должны увлекаться сентиментальными упоениями... Народ не может желать войны, а по недосмотрительности своей ведет к войне. Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель... Правительство молча потакает этой политической неурядице и горько может поплатиться за нее... Главное недоразумение наше, что мы считаем себя более славянами, чем русскими»¹⁶.

По убедительной оценке А.В. Мамонова, вспыхнувшее в России в 1875–1876 гг. «славянское движение» оказало «значительное влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику самодержавия». Движение стало своеобразной реакцией общества в контексте эпохи реформ. Ни ранее, ни позднее (до 1905 г.) «общественное влияние (и даже давление) на власть не было столь сильным», как в годы Восточного кризиса. Возбужденное активной деятельностью славянских комитетов и пропагандистской кампанией известной части отечественной прессы общество требовало от правительства решительных шагов¹⁷.

В правящих верхах колебались, вместе с тем, как точно заметили авторы предисловия к публикации документов, в дипломатических сферах «понимали, что новый удар (после Крымской войны) по престижу России положит конец возможностям для нее влиять на народы Балканского полуострова и добиваться осуществления своих стремлений взять в свои руки “ключи от дома”, т.е. черноморские проливы». Поэтому

¹² См.: Русско-германские отношения..., с. 45–49; Сборник договоров России с другими государствами..., с. 140–143.

¹³ См.: Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Указ. соч., с. 204.

¹⁴ См.: Милютин Д.А. Указ. соч., т. 2, с. 58; Рейтерн М.Х. Биографический очерк. СПб., 1910, с. 183.

¹⁵ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.

¹⁶ Татищев С.С. Указ. соч. М., 2006, с. 651.

¹⁷ Мамонов А.В. Указ. соч., с. 60–61.

династический Союз трех императоров мог служить средством совместной развязки кризиса¹⁸.

Петербург, опасаясь создания антирусского австро-английского блока, предложил Вене договориться о невмешательстве в сербо-турецкую войну. В этих целях состоялась встреча Александра II и Горчакова, с одной стороны, Франца-Иосифа I и Андраши — с другой, в Рейхштадтском замке 26 июня (8 июля). Описание внешней ее стороны известно из письма русского военного агента в Вене Ф.А. Фельдмана, сопровождавшего австрийского императора. Монархи переговорили с глазу на глаз по пути в замок, а прибыв туда и отобедав, совещались около 20 минут в присутствии министров. Высказав пожелание поддерживать статус-кво на Балканах, собеседники рассмотрели варианты исхода войны — победу славян или их поражение — и попытались выработать совместные подходы к решению проблемы¹⁹.

Итоги устных строго секретных переговоров стороны позже изложили в двух письменных неидентичных версиях. По утверждению Татищева, «взаимные обязательства монархов не были занесены в протокол, а только записаны со слов обоих министров... русским послом при венском дворе (Е.П. Новиковым. — *И.Р.*)».

По русской записи²⁰ Черногория получала порт Антивари (Бар) на Адриатическом побережье и присоединяла Герцеговину, Сербия получала часть Боснии и Новипазарского санджака, а Австро-Венгрия аннексировала турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней части Боснии. По австрийской записи²¹ к Черногории отходили только приграничные части Герцеговины и порт Спица, а Австро-Венгрия присоединяла основные части Боснии и Герцеговины. По русской записи Болгария и Румелия могли бы образовать независимые княжества, по австрийской — они, а также Албания получали лишь автономию. Общим в обеих версиях было согласие не содействовать образованию большого славянского государства и установить статус вольного города для Константинополя.

В литературе обычно подчеркивается, что зафиксированные письменно постфактум две версии договоренностей имели значительные разночтения, что давало возможность различных толкований. Согласие на обтекаемую формулировку «славянское государство», позже давшее Андраши возможность возражать против создания «большой Болгарии», явилось просчетом Горчакова²². По мнению Н.С. Киняпиной, в Петербурге не знали о различии в записях сторон²³.

Но на подлиннике австрийского варианта сохранилась собственноручная помета Андраши: «записано тотчас после Рейхштадта под мою диктовку Новиковым и сообщено русскому кабинету»²⁴. Соглашение действительно хранилось в строжайшем секрете, и о нем не знал Игнатьев. Другое дело, что Горчаков, не будучи в ладах с географией²⁵, не удосужился затребовать обещанную Андраши карту с предлагаемыми Веней территориальными изменениями.

Но главное заключалось в том, что Петербург с самого начала кризиса не имел четкой программы действий²⁶. Уже в Рейхштадтском соглашении были заложены альтернативы: или политическое статус-кво европейской Турции, улучшенное реформами, что предполагало известную автономию балканских стран, или полное крушение Ос-

¹⁸ Освобождение Болгарии..., т. 1, с. 7.

¹⁹ Дневник Д.А. Милютина за 1876–1878 гг. М., 2009, с. 518–520.

²⁰ См.: Русско-германские отношения..., с. 37–39; Сборник договоров России с другими государствами..., с. 144–146.

²¹ *Pribram A.F.* The secret treaties of Austria-Hungary, v. II. Harvard, 1921, p. 188–191; Сборник договоров России..., с. 146–148.

²² См. *Хевролина В.М.* Указ. соч., с. 186–187.

²³ См. *Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И.* Указ. соч., с. 206–207.

²⁴ Сборник договоров России..., с. 146.

²⁵ См. *Милютин Д.А.* Указ. соч., т. 3, с. 39.

²⁶ См. *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе..., с. 21, 123.

манской империи в Европе, что вело к образованию мелких независимых государств. Выбор между альтернативами сделать было трудно потому, что Петербург не был заинтересован в развале Османской империи и старался избежать вооруженного вмешательства в балканские дела.

Размах и напор «славянского движения» застал власть врасплох. По мнению Мамонова, Александр II «не до конца осознал, как далеко втягивает Россию в конфликт помощь “общества”». 27 июля (8 августа) в Красном Селе царь после колебаний объявил о разрешении офицерам гвардии выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны. Этим шагом он, по словам Милютин, «сам способствовал распространению убеждения, что правительство поощряет это движение»²⁷. Двойственность позиции имела негативные последствия.

Чтобы определиться в дальнейших действиях, осенью в Ливадии Александр II неоднократно совещался с ближним кругом сановников. Результатом его личной дипломатии стало собственноручное письмо к Францу-Иосифу I. Ответное письмо австрийского императора с заверениями в неразрывной дружбе внесло ясность в долго длившийся фазис, по словам Милютин, «дипломатической путаницы». Франц-Иосиф II признавался, что «он, как государь конституционный, не может действовать так свободно, по внушению собственных чувств, как монарх российский». Поэтому он не готов участвовать в предлагаемом Александром II занятии войсками северных славянских областей Балканского полуострова. Военное вмешательство в предложенных пределах, по его мнению, не даст результата, так как поставленная задача не решит Восточного вопроса, а временно уладит. Если же Россия займет Болгарию, Австрия не будет препятствовать, но введет войска в Боснию и Герцеговину в собственных интересах.

Александр II оказался перед выбором: или вести войну самостоятельно, не связывая себя прежними договорами, или продолжать дипломатические переговоры, хотя он все меньше верил в возможность коллективного воздействия на Порту. Апогеем стало совещание 4(16) октября в Ливадии с участием наследника, Горчакова, Милютин, министра финансов М.Х. Рейтерна, министра двора А.В. Адлерберга, посла в Константинополе графа Н.П. Игнатьева²⁸. Противоположные подходы к Восточному вопросу, сформулированные Милютиным (на основе записки генерала Н.Н. Обручева) – готовиться к войне – и Рейтерном – избежать ее, – определили двойственный характер принятых решений.

К тому же после разгрома в сентябре сербской армии, возглавляемой генералом М.Г. Черняевым, который отправился в Белград вопреки запрету Александра II, царь был вынужден, чтобы спасти остатки войска, где были и русские гвардейцы, 19(31) октября предъявить Порте ультиматум, на следующий день она его приняла. «Вернуться назад, не потеряв лицо, – как точно констатировал Мамонов, – с каждым шагом становилось все сложнее»²⁹.

В Европе забеспокоились. Там же в Ливадии 21 октября (2 ноября) Александр II принял английского посла в Петербурге А. Лофтуса и изложил ему свою позицию. Выразив сожаления о подозрительности Лондона в отношении политики России, которой там приписывают наступательные и завоевательные замыслы, Александр II отрицал намерение овладеть Константинополем. Он обозначил лишь возможность временно занять Болгарию русскими войсками, а Боснию – австрийскими с целью принудить Турцию заключить перемирие с восставшими, провести конференцию держав для обеспечения реформ в интересах христиан. Высказавшись за мирное разрешение конфликта совместно с державами, он подчеркнул готовность к самостоятельным акциям, если Европа откажется энергично и твердо вразумить Порту³⁰.

²⁷ См. Милютин Д.А. Указ. соч., т. 2, с. 62, 86.

²⁸ Там же, с. 87–96.

²⁹ Мамонов А.В. Указ. соч., с. 71.

³⁰ Татищев С.С. Указ. соч., т. II, с. 308–309.

Но не до конца преодоленные сомнения нашли отражение в речи Александра II, произнесенной 29 октября (10 ноября) в Кремле. Прозвучавшее в ней желание прийти к общему соглашению с державами, чтобы получить гарантии от Порты в защите славян, сплеталось с выражением твердого намерения действовать самостоятельно. Монарх надеялся, что на его призыв «отзовется вся страна», когда он сочтет «нужным и честь России того потребует», «исполнить наше святое призвание», опираясь на помощь Божью³¹. Отчасти речь могла быть спровоцирована вызывающими словами британского премьер-министра графа Биконсфильда, который накануне на традиционном банкете в Гилдхолле заявил о готовности Лондона отстаивать целостность Турции ценой войны³².

Эмоционально насыщенное, но далекое от прагматического расчета царское слово ставило на карту престиж державы и, отрезав путь назад, еще больше осложняло положение. Общая обстановка подталкивала правящие верхи России к возможности войны с Турцией. Вместе с тем параллельно с высочайшим повелением 1(13) ноября 1876 г. о частичной мобилизации армии продолжались дипломатические зондажи для мирного урегулирования кризиса. Бисмарк оказывал нажим на обеих союзниц: России он дал понять, что не допустит разгрома Австро-Венгрии, и рекомендовал купить ее нейтралитет уступкой Боснии, а Вене посоветовал не надеяться на военную поддержку Берлина.

С другой стороны, по внутривластным соображениям английский министр иностранных дел граф Э. Дерби предложил провести конференцию по Восточному вопросу. Петербург поддержал инициативу Лондона, и представители Великобритании, России, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии собрались в Константинополе, чтобы попытаться договориться о совместных действиях. Английскую делегацию возглавлял маркиз Р. Солсбери (в ту пору министр по делам Индии). Посетив Берлин и Вену по дороге в турецкую столицу, он убедился в их желании втравить Россию в войну с Турцией³³. Это определило жесткую линию Лондона в переговорах с Игнатьевым о будущем политическом устройстве болгарских земель, а также Боснии и Герцеговины.

Энергичный, настойчивый, хитрый и изворотливый дипломат Николай Павлович Игнатьев³⁴ являлся сторонником поддержки национально-освободительного движения на Балканах, хотя верно отмечал отсутствие согласия между народами славянского племени. Он утверждал, что «славянское знамя» должно являться «исключительной принадлежностью царя русского», и поэтому требовал не допускать усиления влияния других держав, прежде всего Австро-Венгрии, на Балканах, но вести там свою активную политику. На посту директора Азиатского департамента МИД, руководствуясь этими тезисами, Игнатьев постоянно конфликтовал с Горчаковым, будучи у того, по словам современников, «бельмом на глазу». Став послом, он развернул в Константинополе бурную деятельность, зачастую под влиянием эмоций поступая в обход инструкций из центра. Его представления о задачах России на Балканах³⁵ — не оглядываясь на европейский концерт, заключить соглашение с Турцией, получить контроль над Проливами (либо мирно, либо силой) и объединить славянские народы для установления преобладающего влияния России — являлись химерой.

На основе инструкций за подписью Горчакова³⁶, которые Игнатьев написал сам, он составил проект условий мира, по которому Сербия сохраняла прежние границы, Черногория получала территориальные приращения, Босния и Герцеговина

³¹ Особое прибавление к «Описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», вып. I, с. 32.

³² См. *Татищев С.С.* Указ. соч., т. II, с. 310.

³³ См. Там же, с. 315–316; *Виноградов В.Н.* Дизраэли, Гладстон и Шувалов..., № 3, с. 112–113.

³⁴ См. *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004.

³⁵ См.: *Игнатьев Н.П.* Записки, с. 52–54.

³⁶ См.: *Освобождение Болгарии...*, т. 1, с. 511.

объединялись в одну область. Согласившись на их оккупацию Австро-Венгрией в Рейхштадте, Петербург сделал ставку на создание сильной Болгарии. Но вместе с этим в проекте предусматривалась возможность ее раздела на два вилайета – западного со столицей в Софии и восточного со столицей в Тырнове³⁷.

С некоторыми изменениями и дополнениями европейские державы приняли проект, включая пункты о создании автономной области в Боснии и Герцеговине и расширении территории Сербии и Черногории. Однако провозглашение Портой конституции, предоставлявшей равные права всем подданным, свело к нулю работу конференции, длившейся с 11(23) декабря 1876 по 8(20) января 1877 г.

Поскольку Петербург не торопился переходить к активным действиям, Бисмарк попытался его к ним подтолкнуть. Если таковые не последуют, увещевал он посла в Берлине П.П. Убри, то в Европе скажут, будто русские отступили перед турками, хотя армия уже сосредоточена. Канцлер также подчеркивал свое желание поддерживать дружбу с Россией. С другой стороны, он внушал Вене недоверие к Петербургу, который якобы строил против нее коварные замыслы и запрашивал после Рейхштадта о позиции Берлина в случае австро-русской войны³⁸. Это побудило Петербург попытаться обеспечить нейтралитет Австро-Венгрии на случай войны с Турцией.

ПУТЬ К ВОЙНЕ И УСЛОВИЯ МИРА

Опасаясь сколачивания коалиции держав в случае войны России с Турцией, Петербург, сначала без ведома Берлина, вступил в переговоры с Веной. Они завершились подписанием 3(15) января 1877 г. тайной Будапештской конвенции³⁹. По ее условиям Австро-Венгрия обязалась сохранять доброжелательный нейтралитет в случае русско-турецкой войны, но взамен оставляла за собой право выбрать момент и способ занять Боснию и Герцеговину, что, по сути, явилось бы первым шагом к распаду европейских владений Турции. Татищев считает, что в Будапеште стороны пошли на взаимные уступки, подтвердив условия Рейхштадтского соглашения. Основные условия конвенции разгласил в сентябре 1877 г. «Pester Lloyd», в том числе обязательство сторон не создавать значительного славянского государства на Балканах в ущерб неславянским племенам⁴⁰.

Оценки отечественными историками русско-австрийского соглашения разнятся. Так, А.Л. Нарочницкий называет его реакционным компромиссом царского правительства, который способствовал оккупации Боснии и Герцеговины, а в другой статье квалифицирует сделку как вынужденную меру⁴¹. По мнению Н.С. Киняпиной, Петербург вынужденно согласился с притязаниями Вены, чтобы сохранить Союз трех императоров и помешать англо-австрийскому сближению⁴². В.Н. Виноградов утверждает, что Австро-Венгрия «добилась непомерной цены за свой нейтралитет», а «результаты войны стали заранее урезаны до минимума»⁴³. Хевролина обоснованно полагает, что в Рейхштадте «Петербургу пришлось пойти на соглашение с Веной ценой тяжелых жертв за счет балканских народов», Будапештская конвенция «предусматривала распад европейской Турции», а «нейтралитет Австро-Венгрии был куплен дорогой ценой»⁴⁴. Готовясь к войне, 4(16) апреля Россия заключила конвенцию с Румынией, согласно которой обязалась уважать ее суверенные права, получала

³⁷ См. *Хевролина В.М.* Восточный кризис..., с. 190–191.

³⁸ См. *Татищев С.С.* Указ. соч. М., 2006, с. 706–709.

³⁹ См.: Русско-германские отношения..., с. 51–61; Сборник договоров России..., с. 149–155.

⁴⁰ См.: Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 1, с. 44–45.

⁴¹ См. *Нарочницкий А.Л.* Балканский кризис..., с. 51; *его же.* Берлинский конгресс, Россия..., с. 75–76.

⁴² См. *Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И.* Указ. соч., с. 207, 211.

⁴³ *Виноградов В.Н.* Дизраэли, Гладстон и Шувалов..., № 3, с. 118.

⁴⁴ См.: *Хевролина В.М.* Восточный кризис..., с. 186, 189.

возможность пользоваться коммуникациями на ее территории и продвижения своих войск в Турцию.

Моментом истины в определении линии дальнейших действий стали совещания у императора в феврале 1877 г. с участием: наследника, великих князей Владимира Александровича и Константина Николаевича, Горчакова, Милютина, Рейтерна, А.Е. Тимашева, П.А. Валужева и Игнатьева. Накануне первого из них Александр II, Горчаков и великий князь Константин Николаевич считали необходимым во чтобы то ни стало избежать войны. Горчаков даже убедил императора потребовать от Милютина и Рейтерна письменно изложить свои позиции о положении дела и планы действий. Их записки были зачитаны на совещаниях 8 и 10(20 и 22) февраля⁴⁵.

В записке военного министра (составленной Обручевым) наряду с констатацией пагубных для России последствий войны в условиях внешнеполитической изоляции и неустойчивости внутреннего положения — с чем безоговорочно были согласны присутствовавшие — отчетливо прозвучал призыв к решительным действиям. Милютин ошибочно рассматривал Восточный вопрос, как «преимущественно Русский», считая, что «формула общей за него европейской ответственности» к нему мало применима. Стратегию имперской политики он видел в духе решений Кючук-Кайнарджийского, Ясского, Бухарестского и Адрианопольского договоров — укреплении исключительных прав России на Балканах. Милютин сформулировал пункты ультиматума Турции: административное устройство христианских областей; безопасность христианского населения; условия замирения с Сербией и Черногорией; наконец, подписание международного акта, гарантирующего выполнение реформ. Двойственность позиции в последнем пункте очевидна.

В записке министра финансов убедительно опровергалась формулировка цели войны, как «исключительно выполнения освободительной миссии России». Рейтерн полагал, что «первый пушечный выстрел на Дунае превратит вопрос о возможном улучшении положения христиан в вопрос о ликвидации Турецкой империи, т.е. вопрос о том, кому должен принадлежать Константинополь, как устроить христианские провинции... что делать с мусульманским населением и множество других не менее важных и запутанных вопросов». Вполне обоснованно он утверждал: «Немыслимо, чтобы Европа предоставила нам все это решать», поскольку «война с Турцией... затрагивает жизненные интересы некоторых держав и возбуждаемые ею вопросы так сложны, что в наше время едва ли могут быть удовлетворительно разрешены». И, главное, предрекал Рейтерн, война «причинит России неисправимое разорение и приведет ее в положение финансового и экономического расстройтва, представляющего приготовленную почву для революционной и социалистической пропаганды».

Горчаков попытался настоять на роспуске армии, но Александр II, даже не дав высказаться всем участникам, прервал совещание. В его ушах еще звучали произнесенные Милютиным три дня назад пафосные фразы: «Мы связаны и перед Россией, и перед христианами, и перед всей Европой словами государя императора, мы выставили на границу мобилизованную, сильную армию... Вера в святость слова царя не должна ничем помрачиться... Роспуск армии без всяких достигнутых результатов почти соответствовал бы второй проигранной Крымской кампании». Риторика этой речи попала в резонанс с умонастроением монарха и решила вопрос.

Последней попыткой избежать войны стало инициированное Петербургом в марте 1877 г. турне Игнатьева по европейским столицам с целью согласовать проект общей позиции держав на основе решений Константинопольской конференции с требованием к Порте провести реформы под их надзором. Вена, Берлин и Париж одобрили проект, но в Лондоне его подписание обусловили демобилизацией русской армии.

⁴⁵ Записку Милютина см.: *Газенкамф М.* Указ. соч., с. 1–6; записку Рейтерна см.: *Рейтерн М.Х.* Указ. соч., с. 177–180; *Захарова Л.Г.* Дмитрий Алексеевич Милютин и его время. — Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843. М., 1997, с. 24–25.

Игнатъев покинул британскую столицу, но переговоры с Дербви продолжил посол в Лондоне П.А. Шувалов. Подписанный представителями шести держав 19(31) марта лондонский протокол в результате его редактирования Дербви превратился в пустую декларацию о намерениях. В ней отсутствовал даже намек на гарантию державами проведения реформ и мер совместного воздействия на Порту.

После того, как султан 7(19) апреля его отверг, сочтя это вмешательством во внутренние дела и отдав приказы призвать на действительную службу запасных, а эскадру поставить на якоря у входа в Босфор⁴⁶, возможность мирной развязки была утеряна. У Александра II выбора не оставалось. В циркуляре Горчакова, датированном этим же числом, констатировалась неудача примирительного подхода и неизбежность для России прибегнуть к мерам принуждения⁴⁷. 12(24) апреля был обнародован манифест об объявлении войны Турции.

Несмотря на заявление России об отсутствии планов территориальных приобретений на Балканах и в Азии, европейская печать обвиняла ее в намерении захватить Константинополь и Проливы. Лондон пообещал любимицы средствами этому помешать, а также потребовал твердых гарантий нераспространения военных действий России на Суэц, Египет и Персидский залив.

18(30) мая 1877 г. Горчаков в двух инструкциях послу в Лондоне Шувалову дал заверения урегулировать вопрос «с общего согласия и на справедливых и действительно гарантированных началах», отрицая намерение овладеть Проливами или оккупировать их на длительное время. Подтверждалось обязательство не возражать против компенсаций для Австро-Венгрии в Боснии и отчасти в Герцеговине⁴⁸. Россия претендовала лишь на возвращение Южной Бессарабии, отторгнутой в 1856 г. по условиям Парижского мира, и на присоединение Батума. Уже в этих инструкциях намечалось деление Болгарии на Северную и Южную с разным государственным статусом, хотя чуть позже это предложение Горчакова под давлением Милютина и Игнатъева было дезавуировано⁴⁹, что не вызвало протеста в Лондоне, заявившем о своем нейтралитете в войне.

Войну с Турцией Россия вела под флагом освобождения христианских народов от власти Порты, рассчитывая упрочить свое политическое и идеологическое влияние в регионе. Действия разворачивались на двух театрах — Балканском и Кавказском. Удачная переправа через Дунай и занятие Шипкинского перевала открывали русской армии путь на Константинополь, однако недостаток сил и упорное сопротивление турок заставили ее перейти здесь к обороне. На Кавказе, преодолев неудачи, русские войска двинулись в наступление, и турецкая армия была разгромлена; взяты крепости Баязет, Ардаган и Карс. На Балканском театре после трех провалов штурма Плевны русские отряды приступили к ее осаде, завершившейся капитуляцией турецкого гарнизона. Наступление русской армии на Балканах привело к пленению и разгрому турецких войск при Шипке-Шейново под Филиппополем и взятию Адрианополя, означавшему поражение Турции в войне.

Значительной оказалась роль военного министра. В критический момент после третьей неудачной попытки атаки Плевны, когда командование и Александр II склонялись к отступлению, именно по настоянию Милютина было принято решение об осаде. Она завершилась удачно, что предопределило окончание войны⁵⁰. Во что бы то ни стало Милютину была нужна победа: она доказывала действенность военной реформы и поднимала престиж министра. С этого времени его авторитет при дворе стал непререкаем. После Берлинского конгресса, когда Горчаков, номинально оставаясь главой МИД, фактически отошел от дел, в руках Милютина, успешно оттеснившего

⁴⁶ См.: Освобождение Болгарии..., т. 1, № 39, с. 622.

⁴⁷ Там же, т. 2, № 1, с. 19.

⁴⁸ Там же, № 61, 62.

⁴⁹ Там же, № 77.

⁵⁰ См.: Милютин Д.А. Указ. соч., т. 2, с. 214; Беляев Н.И. Указ. соч., с. 250–252.

обоих претендентов на пост министра иностранных дел – и Игнатьева, и Шувалова, оказались вопросы внешней политики.

Эйфория от успехов на полях сражений побуждала Петербург поскорее закрепить их за столом переговоров. Уже после капитуляции Плевны в ноябре 1877 г. российская дипломатия начала разрабатывать условия мира с Турцией, скорректировав первоначальные планы. Проекты готовили Н.П. Игнатьев и А.И. Нелидов (заведовавший дипломатической частью при главнокомандующем), и в начале января 1878 г. царь одобрил игнатьевский. В нем планировалось создание единой Болгарии с выходом к Черному и Эгейскому морям, а Черногория и Сербия получали значительные территориальные приращения и общую между ними границу.

Об условиях будущего мира Александр II, несмотря на предложение Милютина сохранять их в секрете, по совету Горчакова все же известил Вильгельма I и Франца-Иосифа I⁵¹, а русские войска тем временем стремительно приближались к Константинополю. После подписания в Адрианопле русско-турецкого перемирия Горчаков 29 января (10 февраля) 1878 г. направил в Берлин меморандум, предлагая не делить Болгарию, но не возражать против австрийской оккупации Боснии и Герцеговины, оставляя решение вопроса о Проливах европейскому соглашению. Ответом на меморандум стала февральская речь Бисмарка в рейхстаге, в которой тот обещал ограничиться на европейском форуме ролью «честного маклера», что в Петербурге истолковали неверно и сохранили надежду на поддержку со стороны германского канцлера.

19 февраля (3 марта) 1878 г., в день освобождения крестьян, в Сан-Стефано представители двух держав подписали текст русско-турецкого прелиминарного мирного договора. По этому поводу состоялся благодарственный молебен и торжественный выход в Зимнем дворце. Однако, составляя договор, Игнатьев не учитывал этноконфессиональных и территориальных разногласий между балканскими странами и неизбежного сопротивления европейских держав. Милютин верно подметил, что «общая радость парализуется опасениями враждебных действий со стороны Англии и Австрии. Счастливым мир, подписанный у ворот Константинополя, и все плоды блестящей кампании могут быть опрокинуты на предстоящих конференциях». Министр подчеркнул предварительную форму договора и прозорливо констатировал: «Требуется еще санкция Европы; и утвердит ли она беспрекословно все подписанные условия – еще неизвестно»⁵².

Н.С. Киняпина верно отметила, что Сан-Стефанский договор был составлен без учета международной обстановки⁵³. Нарисованная в этом документе новая территориально-политическая карта Балкан и, главное, перспектива укрепления в регионе стратегических позиций России не устраивали никого, и прежде всего Великобританию и Австро-Венгрию. Образование большой Болгарии, перехватывавшей своими юго-западными границами доступ к Салоникам, получение Сербией и Черногорией территориальных приращений и выгодных стратегических позиций ставило барьер австрийской экспансии. В условиях договора Вена обоснованно усмотрела нежелание Петербурга считаться с Рейхштадтским соглашением и Будапештской конвенцией и демонстративно начала переброску войск к русской границе.

Лондон еще в первых числах января 1878 г., как только появились сведения о начале переговоров о мире, предупредил Петербург, что всякое соглашение с Турцией, нарушающее договоры 1856 и 1871 гг., должно быть договором европейским и приобретает силу только после согласия держав, подписавших Парижский и Лондонский трактаты. Теперь в штыки была встречена статья русско-турецкого договора, касавшаяся режима Проливов, что могло бы дать России шанс получить свободный выход в Средиземное море. Британская эскадра под командованием адмирала Хорнби без

⁵¹ Освобождение Болгарии..., т. 2, № 306.

⁵² Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 24.

⁵³ Киняпина Н.С. А.М. Горчаков..., с. 83.

согласия султана вошла 2 февраля 1878 г. в Мраморное море, угрожая высадить десант в случае попытки русских войск вступить в Константинополь.

Шантаж возымел отрезвляющее действие. Творцы договора вдруг отчетливо поняли невозможность его реализовать. «Когда же Европа разразилась смехом над Сан-Стефанским договором, то Александр II не на шутку струсил, видя истощение и беспомощное состояние своего правительства», — писал, вспоминая о тех днях, А.А. Половцов⁵⁴. Один из членов русской делегации на Берлинском конгрессе подчеркивал, что там «Сан-Стефанские болгарские границы были осажены до более естественных этнографических пределов... Защищать договор не было никакой возможности, до такой степени были шатки его основания. В Сан-Стефано мы увлеклись болгарскими иллюзиями... свое посрамление мы подготовили собственными руками»⁵⁵.

Петербург начал отступать, пытаясь сохранить лицо. Активный обмен дипломатическими нотами в течение марта ясно обозначил позиции сторон. Сент-Джеймский кабинет требовал представить на обсуждение весь текст Сан-Стефанского договора целиком, а не отдельные статьи, как надеялись в Петербурге. Горчаков заверил Лондон, что прелиминарный русско-турецкий договор будет целиком сообщен великим державам предварительно собрания конгресса, и на конгрессе каждая из них получит «полную свободу мнений и действий». 20 марта (1 апреля) Солсбери разослал английским посольствам циркулярную ноту с критическим разбором Сан-Стефанского договора и выводом о правомерности требования его пересмотра на конгрессе.

Со своей стороны Горчаков 28 марта (9 апреля) разослал русским послам в Берлине, Париже, Лондоне, Вене и Риме меморандум с возражениями на замечания Солсбери. Вместе с тем в документе говорилось: «Сан-Стефанский договор сделал только обязательным согласие Порты на программу реформ более полную, более точную и более практичную. Но самый факт, что Сан-Стефанский договор есть договор прелиминарный, указывает, что намерением императорского кабинета было установить принцип, не предрешая окончательно его применение, которое потребует подробных исследований, точного обсуждения географических подробностей и соглашения многих интересов. Вот почему многие статьи договора изложены в неопределенных выражениях, оставляющих место для последующих соглашений об изменениях, признаваемых неизбежными»⁵⁶.

Таким образом, неуверенность в своих силах, слабость надежд на поддержку Берлина и угрозы Лондона и Вены вынудили Петербург отказаться от защиты условий Сан-Стефанского договора в полном объеме. Согласившись пересмотреть их на международной конференции, Горчаков был готов передать на ее обсуждение вопросы, имеющие, по его словам, «общеевропейское значение», и пообещал, что русские войска не займут Константинополь и расположенный у Дарданелл полуостров Галлиполи.

В эти же мартовские дни дневниковые записи Милютина полны тревоги. Он опасается войны с Англией и вместе с тем отчетливо понимает, что при настоящей обстановке, когда военные силы России «чувствительно потрачены, потрясены», рассчитывать на успешный исход новой войны «не с одною Англией, а с половиной Европы» — нельзя. Министр предлагает принять меры к защите Босфора и преграждению пути английскому флоту в Черное море, фиксирует нерешительность главнокомандующего, констатирует раздражение и нервность царя и вялый образ действий канцлера.

В этих условиях, по мнению Милютина, не в интересах России ускорять разрыв, а если война неизбежна, лучше тянуть с переговорами. «При каких бы невыгодных условиях не состоялся теперь конгресс, он все-таки мог бы привести к более благоприятному разрешению, чем может, во всяком случае, привести новая война, угрожающая нам самыми губительными последствиями». Особенно его заботило то, что «в такой критический момент, когда, может быть, решается будущность России, политика

⁵⁴ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова, т. II, с. 175.

⁵⁵ Бобриков Г.И. В Берлине..., с. 286.

⁵⁶ Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 1, с. 45–47, 49.

ее в таких бессильных, старческих руках. У кн. Горчакова не только нет инициативы в ведении дела (что было и прежде его главным недостатком), но даже нет мысли»⁵⁷.

Ситуация существенно усугублялась дезорганизацией, царившей в российском МИД. Его глава, по словам А.М. Кумани (российского дипломатического агента в Болгарии, позже секретаря посольства в Париже), не умел отыскивать и привлекать специалистов, предпочитая «приближать к себе людей гибких, угодливых, готовых братья за все, даже за то, о чем не имели ни малейшего понятия»⁵⁸. Профессиональный дипломат и многоопытный царедворец Горчаков далеко не у всех вызывал позитивное отношение как в деловом, так и в личном плане. Современники отмечали гибкий характер канцлера, его любовь к славе, почестям и лести, высокомерие и уверенность в собственной непогрешимости⁵⁹. Нелестно отзывались о Горчакове многие отечественные сановники и дипломаты, отмечавшие его манию величия и эгоизм⁶⁰. Так, Милютин, признавая ум и авторитет Горчакова, полагал, что его тщеславие «заслоняет даже государственные интересы».

Аналогичное мнение, но более резко сформулировал Е.М. Феоктистов (начальник Главного управления по делам печати): «Если бы князь Горчаков был, действительно, проникнут сознанием национальных интересов России, то это отражалось бы не на том или другом отдельном эпизоде, а на всей его политике; смею думать, однако, что именно этого уж никак нельзя сказать о ней»⁶¹.

По мнению С.Л. Чернова, солидарного в этом отношении со С.Д. Сказкиным, Горчаков «оставался здравым и дальновидным политиком, осторожным и осмотрительным в суждениях и поступках», но «ограниченный в своих действиях волей императора, не всегда мог проводить тот политический курс, который соответствовал его собственным убеждениям»⁶². Трудно согласиться с таким утверждением, поскольку сомнительно, что какой бы то ни было министр-царедворец способен проводить свой курс при самодержавном монархе.

Ведь тот же Сказкин вполне обоснованно утверждает, что «все значительные вопросы внешней политики, в конечном счете, решались автократом-царем». В этой связи важен поставленный Сказкиным вопрос о взаимодействии царя и министра. «Александр II не отличался ни сильной волей, ни большими способностями к самостоятельному суждению и в то же время не прочь был играть на популярность», поэтому всевозможные закулисные влияния не только ответственных, но и безответственных лиц «определяли волю царя, перед которой вынужден был склоняться... министр иностранных дел». Так было и в годы Восточного кризиса 1875–1878 гг., когда пропаганда и деятельность славянофилов, а также «подрывная по отношению к политике стареющего канцлера работа» таких дипломатов, как Игнатьев и Шувалов, стали, по мнению Сказкина, факторами, препятствовавшими осмотрительной политике Горчакова. Тем не менее вывод маститого историка звучит неутешительно: «как ни мало соглашался Горчаков с той политикой, которую он принужден был осуществлять, он все же ее осуществлял, следовательно, отвечал за нее, не будучи с ней согласен»⁶³.

⁵⁷ Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 27–33.

⁵⁸ Кумани А.М. Указ. соч., с. 40–41.

⁵⁹ См. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871–1914, Bd. 2. Berlin, 1922, S. 223 (отзыв германского посла графа Швейница); Lady Gwendolen Cecil. Laife of Robert Marquis of Salisbury, v. 2. London, 1922, p. 260 (отзыв лорда Солсбери); Бисмарк О. Указ. соч., т. 2, с. 99–101, 203, и другие авторы.

⁶⁰ См.: Карцов Ю.С. Указ. соч., с. 4; Феоктистов Е.М. Указ. соч., с. 81; Nelidov A. Op. cit., p. 259; Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 1, с. 56–58 и др.; П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г., с. 94, 106–107; Игнатьев Н.П. Сан-Стефано, с. 759–771 и др.; Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 22–23, 25–27, 33–34 и др.

⁶¹ Феоктистов Е.М. Указ. соч., с. 83.

⁶² Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе..., с. 99.

⁶³ Сказкин С.Д. Указ. соч., с. 414, 416.

Даже с учетом личных антипатий и пристрастий современников, очевидно, что престарелый Горчаков, ослабленный недугами, был уже малоспособен толково вести дела, что признавали и в его ближайшем окружении, как, например, старший советник МИД барон А.Г. Жомини. В этой обстановке обострялось давно существовавшее соперничество между активными и деятельными дипломатами – Игнатьевым и Шуваловым, каждый из которых метил попасть в кресло министра.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ

Все происходившее в правящих верхах России после подписания Сан-Стефанского договора, по убедительной оценке Чернова, «продемонстрировало явное несоответствие между намерениями и действительными возможностями русского правительства, которое не обладало достаточными экономическими, политическими и военными ресурсами для реализации в полной мере программы изменения status quo Европейской Турции»⁶⁴.

В условиях, когда Россия не могла рисковать новой войной, по мнению Милютина, следовало показать, «что мы не отказываемся от обсуждения вопросов общей политики в Европейском ареопаге, а напротив того, считаем, что откровенное соглашение между всеми заинтересованными державами является единственным средством для установления окончательного мира и удовлетворительного разрешения восточного вопроса». Между тем Горчаков в заботах о своей популярности и под влиянием газетного квази-патриотизма «мечет громы на всю Европу, конечно, только на словах», и в петербургских салонах уверяет всех, что «проучил бы Европу, если б министр военных сил не заявил о неготовности армии к войне»⁶⁵.

Как известно, военные аргументы приносят свои плоды за столом переговоров. И Петербург в поисках компромисса попытался сделать ставку на сговор с одним из противников. Переговоры в Вене вел Игнатьев. За поддержку на конгрессе она потребовала весьма существенных уступок. Во-первых, оккупации Боснии и Герцеговины и превращения ее в автономное княжество под господством Австро-Венгрии; права занять австрийскими войсками Новипазарский санджак – территорию, расположенную между Сербией и Черногорией (enclave), что давало возможность стратегического господства здесь. Во-вторых, сократить территорию Сербии в пользу Боснии, а также заключить с Сербией и Черногорией выгодные ей военные и торговые договоры. В-третьих, лишить Черногорию выхода к Адриатическому морю. В-четвертых, отодвинуть границы Болгарии от Константинополя. Наконец, срок русской оккупации Болгарии определенный в Сан-Стефанском договоре двумя годами, ограничить лишь шестью месяцами⁶⁶.

Милютин назвал эти требования «непомерными и нахальными»⁶⁷, превосходящими все, что можно было ожидать худшего, забыв, видимо, что Горчаков еще в Рейхштадте, а затем в Будапеште согласился на многие из них. Из-за неприемлемости этих условий для Петербурга миссия Игнатьева провалилась, а информация о ней дошла до Лондона и дала Солсбери (теперь уже министру иностранных дел) повод выступить с протестом. В циркуляре, который он разослал английским представителям за рубежом, Сан-Стефанский договор расценивался как «несовместимый с законными интересами Великобритании»⁶⁸.

Переговоры в Лондоне вел Пётр Андреевич Шувалов, бывший шеф жандармов, начальник III отделения, затем посол в Лондоне. Близко знавший его государственный секретарь А.А. Половцов писал: «Шувалов был далеко недюжинный человек. При

⁶⁴ Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе..., с. 73.

⁶⁵ Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 34–35.

⁶⁶ См.: Дебидур А. Указ. соч., т. II, с. 484.

⁶⁷ Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 51.

⁶⁸ См.: Дебидур А. Указ. соч., т. II, с. 485.

чрезвычайно статной, красивой, изящной наружности он отличался редким умом, сметливостью, умением схватывать существенные стороны вопросов и оценивать общее их значение»⁶⁹. Иное мнение высказывал о нем Е.М. Феоктистов. «Обладал он, кажется, умом блестящим, но поверхностным, не способным к серьезному мышлению... Но честолюбие его было безгранично, и он всячески старался оттеснить людей, которые могли бы быть ему опасными соперниками. Одним из них Шувалов считал Милютину, и оба царедворца вели между собой непримиримую борьбу»⁷⁰.

Подписанное 18(30) мая 1878 г. на основании инструкций Петербурга⁷¹ соглашение Шувалова и Солсбери предусматривало раздел Болгарии на две части: территория, расположенная к северу от Балкан и более удаленная от Проливов, урезалась по сравнению с Сан-Стефанским договором, но сохраняла устоявшееся государственное устройство. Южная часть, расположенная ближе к Проливам, не достигала своими границами Константинополя и лишалась выхода к Эгейскому морю. Но, главное, она оставалась в составе Турецкой империи, получая лишь административную автономию и право управления христианским губернатором, который назначался с согласия Европы.

Условия Лондона оказались еще менее выгодными, чем требования Вены, но они предотвращали казавшуюся неизбежной войну. Даже если ее угроза была шантажом, мир любой ценой, по мнению Петербурга, помог бы избежать подъема революционного движения в стране. К тому же финансовые ресурсы России были истощены, поскольку война с Турцией обошлась очень дорого⁷².

Образно обрисовал В.Н. Виноградов положение царизма: «В Петербурге понимали, что, помимо двух фронтов Балканского и Кавказского существует еще третий, дипломатический, что самым опасным противником на нем является Великобритания, готовая в любой благоприятный момент, используя любые средства политический нажим, финансовое давление, угрозу военных действий – вырвать у России плоды ее побед. Этот фронт доставлял не меньше тревог, чем боевые операции неприятеля. Когда после разгрома турецкой армии русские аванпосты приблизились к Стамбулу, за минаретами турецкой столицы они увидели контуры броненосцев адмирала Хорнби, бросивших якорь у Принцевых островов в Мраморном море»⁷³.

Несоответствие между желаемым и возможным определяло непоследовательную политику Петербурга и заставило отказаться от прежних планов, а чуть позже и от некоторых иллюзий. В таких условиях России предстояло появиться на конгрессе, местом которого после колебаний и согласований стал Берлин, а не Вена, как хотел Андраши.

Нелегким делом оказался выбор уполномоченных. Сразу после подписания мира с Турцией Горчаков, ослабленный болезнью, неспособный встать с кресла, заговорил о своей поездке в Берлин и требовал для себя «самых широких полномочий». Тогда же было решено, что вместе с канцлером на конгресс отправится Игнатъев. Но на совещании у Александра II 5(17) мая 1878 г., когда был затонут вопрос о личностях, которые будут представлять Россию на международном форуме, кандидатура Игнатъева была окончательно отклонена. Думается, дело заключалось в том, что решившись пойти на существенные уступки, лишь бы закончить миром, Петербург был вынужден исключить из состава делегации столь однозначную и даже одиозную для Европы фигуру, как Игнатъев. Напротив, следовало показать готовность к компромиссу, и Шувалов, доказавший это переговорами в Лондоне, гораздо лучше соответствовал такой задаче.

⁶⁹ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова, т. II, с. 174.

⁷⁰ Феоктистов Е.М. Указ. соч., с. 327.

⁷¹ Освобождение Болгарии..., т. 3, № 55.

⁷² См.: Степанов В.Л. Цена победы: Русско-турецкая война и экономика России. – Российская история, 2015, № 6, с. 99–119.

⁷³ Виноградов В.Н. Дизраэли, Гладстон и Шувалов..., № 3, с. 123.

На том же совещании сложилось мнение, что участие Горчакова по состоянию здоровья — сомнительно. Поэтому первым уполномоченным предполагался Шувалов, вторым — Убри, «а в помощь за кулисами» — Кумани⁷⁴. Он был вызван в Петербург для консультаций, поскольку считался знатоком в вопросах восточной политики и работал прежде с Игнатьевым. Горчаков рассказал Кумани о первоначальном намерении взять на конгресс Игнатьева вторым уполномоченным, поскольку нуждался в своеобразном словаре «этнографических и географических сведений о Востоке, так как, должен признаться, в этом отношении я невежда»⁷⁵.

Членом делегации стал также Жомини, правая рука Горчакова. «Швейцарец по происхождению, француз по складу ума, образованию и образу мыслей», — характеризовал Феоктистов Жомини. «Он мог писать десятки блестящих по форме депеш, содержание которых было ему безразлично». И, что существенно, «русским языком не владел он вовсе; кое-как умел он составить небольшую фразу, немилосердно коверкая слова», что не мешало ему распространяться о политике, основанной на национальных интересах. Не случайно известный публицист, редактор — издатель газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков часто говаривал: не «в Министерстве иностранных дел России», а в «иностранном Министерстве русских дел». Феоктистов же утверждал, что в МИД «все отлично писали по-французски и никто не владел порядочно русским языком»⁷⁶.

Об интеллектуальном разброде, царившем в МИД, ярко свидетельствуют воспоминания Кумани. Когда он прибыл в Петербург, Жомини настойчиво интересовался у него, как лучше делить Болгарию — вдоль или поперек? По мнению Кумани, Болгария — не каравай, который можно резать так и сяк, а главное, прежде чем решать, следует «принять во внимание множество политических, этнографических, экономических и военных соображений и серьезно взвесить их». В любом случае надо знать доводы тех, кто предлагает тот или иной вариант. Но соответствующих документов Кумани не показали, так как, по словам Жомини, «все бумаги ...которые относятся до наших секретных переговоров с Англией и Австрией, канцлер держит у себя под замком»⁷⁷.

Кроме того, Жомини по поручению Горчакова просил Кумани срочно набросать записку об автономии Южной Болгарии. Предстояло совещание у императора, и канцлер не хотел являться на него с пустыми руками, но по болезненному состоянию сам не мог подготовить проект. На уточняющие вопросы о характере автономии — политической или административной — Жомини не дал вразумительного ответа, тем более что, по его словам, «это совершенно все равно». Утверждения Кумани о невозможности такого подхода к судьбам миллионов людей и об ответственности преждевременно решать вопрос, давая недругам возможность оспаривать результаты, которых Россия добилась в войне, не убедили ближайшего помощника Горчакова. Раз Кумани отказывается исполнить просьбу, посетовал Жомини, «придется самому напачкать что-нибудь, чтобы успокоить его (канцлера. — *И.Р.*)»⁷⁸. В итоге Горчаков отказался включать Кумани в делегацию.

Совсем худо обстояло в МИД дело с картами. Этнографические вовсе отсутствовали, а географическая карта Турции, прилагавшаяся к печатному экземпляру Сан-Стефанского договора «была так мала и неточна, что ее даже и стыдно показывать иностранцам». Игнатьев имел хорошую карту, но не давал ее никому. Между тем для членов делегации географическая карта была совершенно необходима. «Ехать на конгресс с пустыми руками канцлеру, — утверждал Кумани, — совсем неприлично», и советовал купить хоть малую карту Кипперта, стоящую каких-нибудь пять рублей.

⁷⁴ Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 52.

⁷⁵ Кумани А.М. Указ соч., с. 59.

⁷⁶ Феоктистов Е.М. Указ. соч., с. 88, 81.

⁷⁷ Кумани А.М. Указ соч., с. 38–39.

⁷⁸ Там же, с. 51–53.

Однако вице-директор Азиатского департамента А.А. Мельников сомневался, что Горчаков разрешит расход даже такой небольшой суммы! В итоге после длительной беготни по мидовским инстанциям Мельников и Кумани купили карту Кипперта за четыре с полтиной и послали в Главный штаб, где дежурный офицер нанес на нее Сан-Стефанские границы. Наносить же линии изменений, предлагаемых Англией и Австрией, уже не успевали, к тому же «на это нужно было дозволение канцлера, так как их требования продолжали считаться секретом ...полишинеля»⁷⁹. Уже в ходе работы конгресса военные эксперты выписали карты из Вены через военного агента Фельдмана⁸⁰.

Александр II, по наблюдениям Милютин, «в душе желал бы, чтобы болезнь помешала нашему канцлеру поехать в Берлин». Но «несмотря на болезненное свое состояние, старик все еще не теряет надежды порисоваться», хотя «рад бы остаться в стороне, предоставив другим разыгрывать незавидную роль представителя России в качестве подсудимого перед Европой». И хотя Горчаков, как свидетельствует Милютин, сознавал, что «представителю России на конгрессе придется играть не очень блистательную роль и что он должен будет сделать такие уступки, которые отняли бы окончательно у маститого нашего канцлера последние остатки прежней его популярности», он напросился отправиться в Берлин. Когда Александр II прибыл к Горчакову 23 мая (4 июня) на дом, чтобы отговорить того от намерения ехать на конгресс, «старик так настойчиво доказывал необходимость личного участия его в предстоящем решении восточного вопроса, что государь должен был уступить»⁸¹.

В итоге в состав делегации вошли Горчаков, Шувалов и Убри. Канцлера также сопровождали Жомини и Фредерикс. Поскольку Шувалов откровенно признался в недостаточной осведомленности о географии, этнографии и административном устройстве в балканских странах, Военное министерство в помощь дипломатам назначило экспертов для нужных справок и сведений. Это были опытные кадровые военные: генерал-лейтенант Генерального штаба Д.А. Анучин (специалист по Болгарии), генерал-майор Генерального штаба Г.И. Бобриков (хорошо знавший Турцию и Сербию), полковник Генерального штаба А.А. Боголюбов (сведущий в делах Черногории)⁸².

Уже на конгрессе Анучин с горечью описал свои впечатления от общения с канцлером: «Старческая болтовня Горчакова, его похвальбы, поразительное незнание самых общеизвестных фактов произвели на меня удручающее впечатление... И это наш первый уполномоченный, и в его дряблые руки “снова – как он сам говорил – отданы интересы России”. Кто же поможет ей, многострадальной?»⁸³.

Слаженности и согласованности действий российских дипломатов в ходе конгресса не получилось. Из-за постоянного недомогания Горчаков присутствовал лишь на трех заседаниях, к тому же дело осложняла глубокая и взаимная неприязнь его и Шувалова, пассивная позиция Убри, не имевшего авторитета, и то обстоятельство, что окончательное решение оставалось за царем. Анучин с сожалением констатировал: подробной инструкции нет, «уполномоченные, как видно, не спелись между собою и смотрят врозь»⁸⁴. Этот факт был замечен и успешно использован партнерами по переговорам.

Главной задачей для Петербурга стало успешное проведение международного форума, чтобы избежать новой войны. Ситуацию лучше всего передает напутствие Милютин Шувалову при его отъезде в Берлин: «Вы знаете положение. Мы не можем больше сражаться. Мы не можем этого ни по финансовым, ни по военным соображениям. Вы взяли на себя выполнение патриотической задачи, поэтому защищайте нас как можно лучше. Отстаивайте пункты, какие вы сочтете возможными отстаить,

⁷⁹ Там же, с. 57.

⁸⁰ Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 3, с. 470.

⁸¹ Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 53, 57, 59.

⁸² Бобриков Г.И. Воспоминание..., с. 3.

⁸³ Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 1, с. 56–57.

⁸⁴ Там же, с. 58.

и уступайте, лучше уступайте все, чтобы только не сорвать конгресса». А в дневнике он записал: «Наши военные силы так расстроены войной, так разбросаны, что не предвидится никакого вероятного успеха»⁸⁵.

НА КОНГРЕССЕ

В заседаниях конгресса, проходивших в течение месяца, участвовали представители шести великих держав и Турции. О составе российской делегации речь уже шла. Германию представляли — О. Бисмарк, министр иностранных дел Б.Э. Бюлов, посол в Париже князь Х. Гогенлоэ; Англию — премьер-министр граф Биконсфильд, министр иностранных дел маркиз Солсбери, посол в Берлине лорд Россель; Австро-Венгрии — министр иностранных дел граф Д. Андраши, посол в Берлине граф А. Карольи, посол в Риме барон Г. Гаймерле; Францию — министр иностранных дел В. Ваддингтон, посол в Берлине граф Сен-Валье и заведующий политическим департаментом МИД И. Депре; Италию — министр иностранных дел граф Л. Корти, посол в Берлине граф Делоне. В делегацию Турции вошли министр иностранных дел Каратеодори-паша, генерал Мехмед-Али-паша (немец на турецкой службе), посол в Берлине Саадулла-бей. Эти делегаты имели право решающего голоса, а представители Греции, Румынии, Сербии, Черногории, Ирана и армянской церкви не приглашались на заседания, и не подписывали договор.

Накануне открытия конгресса состоялся прием и обед у германского кронпринца, где делегаты могли познакомиться и пообщаться. Портреты некоторых из них набросал Анучин. Необычайное впечатление на него произвел Бисмарк: «Бесспорно, он и ростом, и мощью фигуры, и выражения доминирует над всеми». Биконсфильд — «высокий, худой, несколько согнувшийся» казался «моложе, чем его представляют на портретах», а Солсбери в узком мундире походил на русского городского голову. Обратила на себя внимание Анучина «усталая, скорее потерятая и, кажется, подкрашенная физиономия» Андраши, облаченного в гусарский мундир, тогда как Ваддингтон — «небольшого роста крепыш, незамечателен ничем». Наконец Корти — «курносый итальянец с самую скверную физиономией»⁸⁶.

Помещения для работы конгресса подготовили во дворце имперского канцлера Бисмарка. Облаченные в дипломатические мундиры своих стран, делегаты подъезжали ко дворцу в посольских экипажах. Поднявшись по широкой лестнице, они попадали в переднюю, за которой находилась комната для секретарей, а затем — в обширную залу со светлыми обоями с золотистыми разводами, обставленную с большим вкусом и устланную прекрасными коврами. В середине ее размещался стол в форме подковы, с наружной стороны которого по центру было место, предназначенное для председателя. Перед каждым уполномоченным поставлена большая круглая чернильница и положены принадлежности для письма. На отдельном столе были разложены книги и карты. Позади залы находился буфет, организованный на счет германского правительства, где завтракали члены конгресса, а за ним — открытая, выходящая в сад колоннада. Для частных совещаний членов конгресса предназначались специальные комнаты.

1(13) июня 1878 г. в двадцать минут первого часа пополудни над кровлей дворца взвился флаг Германской империи, возвещая открытие Берлинского конгресса. Официальным языком дипломатии служил французский, поэтому за столом переговоров делегации размещались в порядке французского алфавита. В центре — представители Германии (Allemagne), справа от них Австро-Венгрии (Autriche), затем Англии (Grande Bretagne) и России (Russie); слева от немцев находились делегаты Франции (France), затем Италии (Italie) и Турции (Turquie).

⁸⁵ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 года, с. 101; *Милютин Д.А.* Указ. соч., т. 3, с. 68.

⁸⁶ Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 2, с. 232–233.

Уже в ходе первого заседания высокого собрания выяснилось: стол слишком велик и длинен, и сидевшие за одним его концом не слышали того, что говорилось на другом. В результате было решено уменьшить стол для последующих прений. Возникло еще одно затруднение. Поскольку Горчаков передвигался с трудом, лестница стала для него серьезным препятствием. По счастью у Бисмарка оказался портшез, который он любезно предоставлял бедному канцлеру в те редкие дни, когда тот являлся на заседания⁸⁷.

Бисмарк, председательствовавший на конгрессе, открывая первое заседание, сказал: «Мы соединились здесь для свободного обсуждения Сан-Стефанского соглашения кабинетами, подписавшими трактаты 1856 и 1871 годов. Дело идет о том, чтобы обеспечить с общего согласия и на основании новых гарантий мир, в котором так нуждается Европа»⁸⁸. Таким образом, с самого начала отчетливо и недвусмысленно прозвучало заявление: только санкция Европы может узаконить результаты Русско-турецкой войны. Позже германский канцлер еще более откровенно объяснил Каратеодори-паше причину созыва Берлинского форума: «Если вы воображаете, что конгресс собрался ради Османской империи, то вы глубоко заблуждаетесь. Сан-Стефанский договор остался бы без изменений, если бы не затрагивал некоторых вопросов, интересующих Европу»⁸⁹.

Бисмарк определял повестку дня и порядок рассмотрения вопросов. По инициативе канцлера участники избегали открытых дискуссий на официальных заседаниях, а обсуждение противоречий происходило в частных закулисных переговорах, которые не протоколировались. После согласования позиций вопрос выносился на общее заседание для официальной формулировки решения. Всего состоялось 20 заседаний, по результатам которых составлялся протокол.

Чтобы ускорить работу, из состава участников конгресса создали комиссии: редакционную и стратегического разграничения. В эту последнюю включили военных экспертов от России, Англии, Германии, Франции, Италии и Турции. Однако большинство зарубежных коллег Бобрикова оказались слабо знакомы с этнографическими и статистическими условиями Балканского полуострова, поэтому ему приходилось делать подробные доклады по каждому участку дебатированных границ, отстаивая при этом интересы Сербии, Черногории и Болгарии⁹⁰.

Информацию о ходе конгресса члены российской делегации передавали в Петербург по нескольким каналам. Горчаков писал Александру II личные письма. Шувалов направлял донесения и письма Н.К. Гирсу, а за подписью Шувалова и Убри шли донесения и телеграммы в МИД. Для доклада о положении дел и получении необходимых разъяснений или санкций по конкретным вопросам полковник Боголюбов ездил в Петербург.

Впечатлениями о первой встрече с Андраши в день своего приезда Горчаков поделился в письме Александру II 3(5) июня 1878 г.: «Мы обменялись положительными заверениями в обоюдном доверии и взаимном желании поддерживать и укреплять наше соглашение»⁹¹.

Уже первое заседание развеяло иллюзии. По свидетельству Анучина, накануне вечером Шувалов «весьма дружелюбно разговаривал о будущих занятиях» с главой английской делегации. «Ничего не предвещало, что с первого же шага Биконсфильд поведет против нас дерзкую кампанию, а между тем это случилось». В первом же заседании он предложил не начинать работ форума, пока русские войска стоят под стенами

⁸⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 153, оп. 470, д. 29-а, л. 351–351об.

⁸⁸ Московские ведомости, 13(25).VII.1878, Протокол № 1.

⁸⁹ Цит. по: *Генов Г.П.* Блгария и Европа. Сан-Стефано и Берлин. 1878. София, 1928, с. 49.

⁹⁰ *Бобриков Г.И.* Воспоминания..., с. 15–16.

⁹¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 29-а, л. 215.

турецкой столицы⁹². При этом свою запальчивую речь он произнес по-английски! «В первое мгновение это поразило всех присутствовавших, потому что никто не знал, служит ли это политической демонстрацией британского уполномоченного, или же имеет только личное значение»⁹³. Позже выяснилось, что лорд просто не достаточно хорошо владел французским языком. Бисмарк и в дальнейшем не препятствовал английским уполномоченным произносить речи на родном языке. А по существу претензий Биконсфильда канцлер заявил, что обсуждению конгресса этот вопрос вовсе не подлежит, и в дальнейшем он больше не поднимался. Русская армия, как и британская эскадра, оставались на занятых позициях.

О напряженной ситуации, сложившейся на международном форуме с самого его начала Шувалов писал Гирсу 7(19) июня: «Позиция князя Бисмарка благожелательна по отношению к нам. Вы спросите, почему мы до сих пор не добились лучших результатов с помощью князя Бисмарка. Это потому, что мы встречаем систематическую оппозицию со стороны Англии и Австро-Венгрии». Две «черные точки», по его словам, сразу выявились в отношениях с Лондоном и Веней. С первым – по защите меданальной границы Болгарии, со второй – по анклаву между Сербией и Черногорией. По замыслу Бисмарка следовало проводить трехсторонние заседания, чтобы таким образом облегчить работу конгресса. Но Шувалов полагал, что работать вшестером легче, чем группой в 20 человек. Собрания же втроем – из представителей России, Австро-Венгрии и Англии – «неблагоприятная для нас почва», поскольку «мы постоянно оказываемся под перекрестным огнем двух наших противников без благожелательного влияния дружески настроенного Бисмарка»⁹⁴.

Иллюзии относительно позиции Берлина, якобы благосклонной к Петербургу, еще развеялись не до конца. Основные претензии российских дипломатов относились к Вене и Лондону. В ряде случаев вмешательство Бисмарка предотвращало конфронтацию, однако уже тогда он сделал выбор в пользу поддержки Австро-Венгрии. И хотя позиции Германии были по существу антирусскими, канцлер вел конгресс так гибко и ловко, что у многих западноевропейских делегатов сложилось впечатление, будто он поддерживает Россию. В частности Бисмарк способствовал урегулированию инцидента с заявлением Биконсфильда.

Совершенно очевидно, что требование – отвести русские войска от Константинополя – было рассчитано на то, чтобы оказать давление на Петербург, побудив к новым уступкам. И позже английские делегаты, используя шантаж и угрозы, ставили работу конгресса на грань срыва. Лондон даже разгласил через прессу информацию о переговорах Шувалова с Солсбери и заключенном тайном англо-русском соглашении. Это вызвало негодование английской публики, требовавшей не идти на уступки России. В ходе перипетий Восточного кризиса в целом и Берлинского конгресса, в частности прослеживается острая дипломатическая борьба со своеобразными приемами и методами. Отчетливо выявились роль прессы и влияние общественного мнения на политику европейских правительств, а также использование ими этих настроений в своих целях.

В целом Бисмарк построил обсуждение так, как было выгодно европейскому ареопагу. По предложению германского канцлера Сан-Стефанский договор, который Берлинский конгресс должен был пересмотреть целиком, обсуждался не по статьям по их порядку, а по отдельным вопросам. Основным из них был вопрос о Болгарии: ее территории, границах и административном статусе, о выборе князя, о выводе турецких войск и т.д. Из 20 заседаний семь были посвящены болгарским проблемам.

Задача русских делегатов заключалась в том, чтобы с учетом уступок, приемлемых для Лондона и Венны, постараться отстоять хотя бы часть преобразований на Балканах

⁹² Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 2, с. 238; *Милютин Д.А.* Указ. соч., т. 3, с. 65.

⁹³ Московские ведомости, 3(15).VII.1878.

⁹⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 29-а, л. 225–231.

и, что существенно, заручиться определенными гарантиями относительно принятых на конгрессе решений со стороны Порты и великих держав⁹⁵. В любом случае русским делегатам следовало добиваться обретения Болгарией выхода к Черному морю, но согласиться на разграничение ее по линии Балкан с предоставлением Северной части – политической, а Южной – административной автономии.

Делегаты должны были также противодействовать пребыванию турецких войск на территории Южной Болгарии и на ее границах, на чем настаивали Лондон и Вена. Вопрос о границах Болгарии вызвал самые острые дискуссии. Солсбери потребовал проведения границы между двумя частями Болгарии по линии Балканского хребта, что в целом соответствовало условиям его соглашения с Шуваловым. Но, не имея оснований для серьезных возражений, Шувалов все-таки попытался вернуться к проекту Константинопольской конференции, который предусматривал меридиональное деление страны, однако его попытка успехом не увенчалась.

Из-за разногласий по этому вопросу была создана специальная комиссия, в которую вошли представители России, Англии и Австро-Венгрии. По свидетельству Бобрикова, ему пришлось решительно противостоять позициям «англичан, бесцеремонно кроивших карту в пользу султанских владений, и австрийцев, не желавших знать других интересов, кроме своих, и скорее мирволивших туркам, чем нашим союзникам»⁹⁶. Англичане выдвинули ряд требований, выходящих далеко за рамки англо-русского соглашения, и русским военным специалистам пришлось пункт за пунктом отстаивать свои позиции. При этом они проявили блестящее знание географических реалий местности, что привело в изумление их менее подготовленных в этом отношении английских коллег. В итоге Шувалову удалось, умело используя информацию, полученную от военных экспертов, отстоять Софийский санджак для Болгарии, пожертвовав некоторыми районами на юго-западе, которые возвращались Порте⁹⁷.

Вместе с тем пришлось согласиться на ограничение срока пребывания русских войск в Болгарии и Восточной Румелии девятью месяцами вместо двух лет. Во главе Северной части страны постановили утвердить христианское правительство и князя, избравшегося населением и утверждавшегося султаном с согласия Европы. Претендентом на эту роль не мог быть никто из членов царствующих европейских династий. В целом Болгария по сравнению с положением, в котором она находилась до Берлинского конгресса, приобрела много – воссоздание своей государственности.

Позже, сравнивая упорство, с которым англичане и австрийцы отстаивали на Берлинском конгрессе права султана в Восточной Румелии с их равнодушием впоследствии к фактическим нарушениям трактата, Бобриков с горечью отмечал: «главные усилия западных держав были направлены не для умиротворения и создания устойчивой организации государств Балканского полуострова, а для противодействия нравственному престижу России среди народностей православного вероисповедания и славянской национальности»⁹⁸.

По решениям Берлинского конгресса Сербия несколько улучшила западную границу и получила больше, чем по Сан-Стефанскому договору, которым была, конечно, ущемлена. Сказалось и то, что в России не было хорошо разработанного политического плана, в котором были бы согласованы частные интересы отдельных балканских стран с общей задачей – устранить между ними пограничные недоразумения и установить прочные отношения. В предпочтении, отдаваемому Петербургом Болгарии, не всегда учитывалась важность справедливого разграничения Болгарии и Сербии на основании этнографических и стратегических начал.

⁹⁵ Освобождение Болгарии..., т. 3, № 68, 69.

⁹⁶ Бобриков Г.И. Воспоминания..., с. 18.

⁹⁷ Там же, с. 12–13; Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 2, с. 241–242; № 3, с. 469–470.

⁹⁸ Бобриков Г.И. Воспоминания..., с. 20, 27.

Вопрос о Черногории стоял первым в Сан-Стефанском договоре. Но обсуждение в Берлине начали с Болгарии, чтобы не дать с самого начала повода к схватке России с Австрией. Она намеревалась урезать значительно расширенные по условиям Сан-Стефано границы Черногории. Делегаты последней до начала заседаний конгресса обращались к Горчакову с просьбой поддержать их ходатайство — получить порт Антивари на Адриатическом море. Но канцлер посоветовал проявить умеренность и, в крайнем случае, уступить австрийцам Спицу за Антивари, а сербам — Подгорицу. Присутствовавшие при беседе Убри с Анучиным (как и черногорцы) были крайне удивлены: ведь Спица и так принадлежала Австрии, а Подгорица находилась на противоположной границе! На недоуменные замечания Горчаков отвечал: «Что-нибудь надо отдать. Я слаб в географии этих мест. Для меня существуют лишь общие линии»⁹⁹.

В итоге Австрия добилась согласия России на сокращение земельных приращений Черногории, оговоренных в Сан-Стефано, но допустила присоединение Антивари с условием не содержать своих и не принимать иностранных военных судов в этой гавани и принять австрийский надзор в своих водах¹⁰⁰. Черногория прирастила территорию, но анклав — часть Северной Сербии до Сремской Митровицы — был передан Австрии при попустительстве Горчакова и с санкции Александра II¹⁰¹.

Румыния в обмен на Южную Бессарабию, которую возвращали России, получила Добруджу. Делегаты Франции, Австрии и Италии пытались добиться согласия России присоединить к Румынии еще Змеиный остров на Черном море, Силистрию и Мангалию. Шувалов отказался пойти на уступку, но предложил добавить к Добрудже полосу земли вдоль правого берега Дуная, что и было принято конгрессом. «Итак, дело возвращения Бессарабии — столь желанное государем — сделано, но дорого мы за него заплатили», — записал Анучин¹⁰².

Прения о размежевании в Азиатской Турции стоили русским уполномоченным, по словам Бобрикова, «громادного напряжения воли». Если в дебатах о европейских владениях Порты англичане показали себя яростными поборниками ее интересов, то «при обсуждении новой азиатской границы их рвение не знало пределов и доходило до ожесточения»¹⁰³. На конгрессе они сумели добиться от России ряда уступок. Бисмарк поддержал позицию Петербурга по вопросу о передаче России Батума. Солсбери грозил подать в отставку, если Шувалов не откажется от этого требования. Новый скандал предотвратил германский канцлер: отправившись к Биконсфильду, он уладил дело¹⁰⁴.

Незадолго до окончания заседаний международного форума два важных и полностью адекватных вывода зафиксированы в личных письмах Горчакова монарху. «Возможно, что труды европейского конгресса, — сетовал он 16(28) июня 1878 г. — будут не совсем соответствовать великому делу, которое ваше величество взяли на себя, и тем жертвам, которые Россия ему принесла». Спустя три дня канцлер констатировал: «Общее впечатление, которое я увезу с конгресса, состоит в том, что было бы иллюзией рассчитывать в дальнейшем на союз трех императоров». Как значительно отличается этот пассаж от впечатлений, изложенных Горчаковым после первой встречи с Андраши! Пометы Александра II свидетельствуют о его согласии с этими тезисами, По поводу первого он написал: «Да, более чем возможно!»; по поводу второго — «Это также

⁹⁹ Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 1, с. 55–56.

¹⁰⁰ *Татищев С.С.* Указ. соч. М., 2006, с. 822; Московские ведомости, 19(31).VII.1878, Протокол № 9.

¹⁰¹ Берлинский конгресс 1878 г. (дневник...), т. 149, № 2, с. 244.

¹⁰² Там же, т. 152, № 11, с. 233–234.

¹⁰³ *Бобриков Г.И.* Воспоминания..., с. 34–40.

¹⁰⁴ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе..., с. 105–106.

и мое мнение»¹⁰⁵. Остается лишь сожалеть, что осознание заблуждений канцлером и монархом наступило столь поздно.

Берлинский трактат, состоящий из 64 статей, стал совокупностью различных элементов из австрийского, английского и русского внешнеполитических планов, и в рамках одного компромиссного документа оказались искусственно совмещены противоположные по духу и направленности тенденции. Общими усилиями Лондон, Вена и Берлин принудили Петербург отказаться от части завоеваний. Решая ключевую задачу — не допустить возникновения сильного славянского государства, — западные державы создали на Балканах мозаику независимых, автономных и оккупированных государств, территорий и областей. В итоге значительная часть народов Балканского полуострова осталась под турецким господством, другая — попала под австрийское владычество. Но державы-«миротворцы» позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности транспортные пути: главная балканская водная артерия — Дунай — объявлялась нейтральной и свободной для судоходства от Железных Ворот до устья. Проход военных судов через Черноморские проливы по-прежнему запрещался; даже передававшийся России порт Батум получал статус порто-франко.

Берлинский трактат заложил основы болгарской национальной государственности, хотя страна была разделена на две части с разным статусом; юридически закрепил независимость Сербии, Черногории и Румынии; подтвердил сохранение режима судоходства в Черноморских проливах, запрещавшего без согласия Порты проводить через них военные корабли иностранных держав, в том числе и России, являвшейся прибрежной державой.

Существенные подвижки произошли в расстановке сил держав в регионе в целом: укрепились стратегические позиции Англии в Средиземноморье, которая по договору с Турцией оккупировала о. Кипр; расширилась сфера политического и экономического влияния на Балканах Австро-Венгрии; возрос престиж Германии, как в Турции, так и на международной арене в целом.

Множество факторов в совокупности привело дело к тому итогу, который для России зафиксировал конгресс. Здесь и изначально противоречивые задачи, которые ставил Петербург: сохранить «слабую» Турцию и создать независимые государства на Балканах; и нечетко сформулированные цели войны, которые к тому же были в ее ходе скорректированы. Здесь и непродуманный план войны, просчеты командования, недостаток и устарелость вооружения, плохая организация интендантства и военно-медицинской службы, бесполезная трата людских ресурсов, присутствие на театре войны императора и великих князей. Отрицательно повлиял и тот факт, что в российском дипломатическом ведомстве долгое время сохраняли иллюзии относительно поддержки со стороны Берлина и проявляли готовность идти на компромиссы с Веней и Лондоном. Не последнюю роль сыграл субъективный фактор: постоянные колебания царя, разногласия между министрами, самовольные действия некоторых генералов и дипломатов.

Недовольство в России решениями Берлинского конгресса и нападки на дипломатов были не вполне адекватным. По свидетельству Шувалова, отчет о каждом заседании конгресса передавался по телеграфу в Петербург, и каждый пункт, подвергавшийся обсуждению, до своего утверждения получал санкцию царя¹⁰⁶. Об этом же писал и Милютин, констатируя разочарование Александра II дерзкими выходками русских газет «по поводу сделанных на конгрессе нашими уполномоченными уступок. Хотя все эти уступки разрешались верховной властью и притом признавались неизбежными». Но «государь, по-видимому, не доволен результатом и чувствует себя как бы оскорбленным, униженным»¹⁰⁷. На самом деле и подписывая соглашение в Лондоне, и ведя переговоры в Берлине, Шувалов действовал в соответствии с инструкциями

¹⁰⁵ Канцлер А.М. Горчаков..., с. 368–370.

¹⁰⁶ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе..., с. 104.

¹⁰⁷ Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 78.

из Петербурга, но именно его и сделали козлом отпущения, чтобы снять с верховной власти ответственность за ошибки и просчеты.

В комментариях и оценках отечественных газет прозвучало негативное отношение к итогам конгресса и деятельности на нем русских дипломатов. Спектр оценок был достаточно широк и выявил разномыслие и совпадение позиций славянофильских, либеральных (разных оттенков) и демократических изданий¹⁰⁸. Но в большинстве своем отечественная периодическая печать встретила решения конгресса в штыки. Пресса в целом создала информационный продукт – миф о том, что именно на Берлинском конгрессе Россия потерпела дипломатическое поражение.

Этот миф был во многом основан на смещении акцентов: замалчивая внутренние причины дипломатических неудач, пресса направляла общественное негодование против внешних врагов. Так, «Русский вестник» нарисовал яркий образ врага: «Подобно громадному чудовищному полипу протягивает англичанин со своего туманного острова сотни щупальцев во все концы света и высасывает все жизненные соки». В другой статье та же газета отмечала, что нажива, которую получили Англия и Австро-Венгрия, загребая жар чужими руками, это «эксплуатация наших ошибок, нашей уступчивости, нашей заботливости о пресловутых европейских интересах»¹⁰⁹. Многие газеты подчеркивали расхождение официальной политики и настроений общественных кругов в России.

Думается, что в значительной степени недовольство вызывалось тем, что в основу оценок был положен неверный критерий – сравнение условий Сан-Стефанского договора и Берлинского трактата. Милютин так объяснял причину разочарования: «Ожидали чего-то колоссального, и, когда мечты идеалистов не осуществились, когда явилась практическая действительность, все возопили на нашу дипломатию и на все правительство»¹¹⁰.

Об этом же писал и Бобриков, отметивший, что предшествовавшие войне события рождались «на стихийной почве народных симпатий, ускользавших от руководства государственной политики, часто вопреки правильной оценке существовавшей обстановки». Поэтому «результат событий, вызванных страстными и во многом неопределенными стремлениями, не мог удовлетворить и не удовлетворил наших иллюзий»¹¹¹.

Кроме того, огромную роль сыграла неинформированность прессы и, следовательно, основной массы современников в России обо всех тайных и секретных дипломатических переговорах, которые велись задолго до начала международного форума. Если рассмотреть все акции и договоренности российского МИД в ходе Восточного кризиса и накануне Берлинского конгресса последовательно, то отчетливо видно, что в результате лавирования, компромиссов и ошибок Петербург постепенно готовил почву для того итога, который был воспринят общественным мнением как дипломатическое поражение.

Во многом можно согласиться с мнением американского историка С. Фей, который считал, что «почти все существенные вопросы были урегулированы до открытия конгресса, во время различных предварительных переговоров; таким образом, конгрессу оставалось только зарегистрировать решения, которых уже добился Бисмарк»¹¹². Та же мысль была сформулирована раньше отечественным публицистом в газете «Биржевые ведомости» так: «Уполномоченные (русские. – *И.Р.*) на конгрессе жали только то, что было посеяно». Ничего другого они сделать не могли¹¹³.

Признавая бесспорное значение помощи России в обеспечении самобытности балканских государств, Бобриков подчеркивал, что вместе с тем «оказались посеянными

¹⁰⁸ Адо В.И. Указ. соч., с. 101, 140; Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе..., с. 117–120.

¹⁰⁹ Русский вестник, 1878, март, с. 474; июнь, с. 937.

¹¹⁰ Милютин Д.А. Указ. соч., т. 3, с. 22.

¹¹¹ Бобриков Г.И. Воспоминания..., с. 4.

¹¹² Фей С. Происхождение мировой войны, т. 1–2. М., 1934, т. 1, с. 55.

¹¹³ Биржевые ведомости, 28.VI(10.VII).1878.

семена недоверия и зависти»¹¹⁴. Урегулировав ряд важных региональных проблем на Балканах, Берлинский трактат не только сохранил немало старых узлов противоречий, но завязал новые — боснийский, македонский, косовский. Не случайно известный отечественный публицист профессор А.Д. Градовский коренной порок принятых решений видел в том, что конгресс «стремился создать несколько искусственно прилаженных политических тел и распределить “сферы влияния” над ними между разными европейскими державами». Он предсказывал неизбежные смуты между народностями, которые «в интересах мира» придется подавлять силой, и столкновения между «влияющими» державами, которые решаются обыкновенно войной. «Итак, насилье и война — вот, что содержится в mine, подложенной под фундамент здания, воздвигаемого конгрессом в интересах мира»¹¹⁵.

Эта статья стала информационным поводом для появления карикатуры, опубликованной в журнале «Будильник», наглядно и очень выпукло давшей оценку результатов высокого собрания¹¹⁶. Расположение его участников за столом переговоров четко зафиксировало их роли. На председательском месте невозмутимо восседает Бисмарк — канцлер Германской империи. Стоящий рядом премьер-министр Англии Биконсфильд зачитывает условия соглашения. Слева от него министр иностранных дел Австро-Венгрии Андраши оживленно беседует с турецким уполномоченным Каратеодори-пашой. Сидящий по правую руку от Бисмарка министр иностранных дел Франции Ваддингтон внимательно слушает Биконсфильда. Канцлер Горчаков — единственный, кто показан спиной к зрителю, — здесь он лишь функция, поскольку главные вопросы предreshены другими. И композиция карикатуры — стол переговоров помещен на бочке с порохом — и ее название «Во имя мира и всеобщей безопасности» являют замечательный пример оксюморона.

После того, как Берлинский трактат был ратифицирован Александром II, «Правительственный вестник» поместил официальное сообщение. Большинство газет его перепечатало полностью или в извлечениях, сопроводив комментариями. В сообщении, в частности, подчеркивалось, что Россия начала войну «не по расчету, не из материальных выгод или честолюбивых политических замыслов, но... из чувства христианского, чувства человеколюбия, того чувства, которое охватывает всякого честного человека при виде вопиющего зла». В заключение отмечалось, что Россия «не делала торга ни из своих жертв, ни из своих успехов» и что не напрасно «русский народ подчинил свои права победителя высшим интересам общего мира и солидарности народов».

Продиктованный скорее эмоциями, чем политической целесообразностью, Сан-Стефанский договор создал для Петербурга больше проблем, чем политических выгод. По словам маститого сановника П.А. Валуева, «из Сан-Стефанской акварели гр. Игнатьева осталось немного»¹¹⁷. Сопоставление условий Сан-Стефанского мира и положений, зафиксированных в Берлинском трактате, вызвало у многих ощущение поражения России. Несоответствие военных побед и дипломатических успехов представлялось определенным общественным кругам вопиющим. Заигрывание с общественным мнением сыграло злую шутку с царским правительством, вынудив его оправдываться. Успокоить возмущение и сгладить негативное впечатление от казавшихся унижительными уступок и было призвано «Правительственное сообщение»¹¹⁸.

Во внутренне противоречивом официальном сообщении излагался взгляд императорского кабинета на Берлинский трактат и давался пространный пересказ дипломатических переговоров до, во время и после войны. Документ завершился оценкой результатов конгресса, как несовершенных, но существенных для России и для

¹¹⁴ Бобриков Г.И. Воспоминания..., с. 36–37.

¹¹⁵ Голос, 28.VI(10.VII).1878.

¹¹⁶ Будильник, 1878, № 25.

¹¹⁷ Отрывки из дневника графа П.А. Валуева. — Современник, 1913, кн. 1, с. 86.

¹¹⁸ Правительственный вестник, 3(15).VII.1878.

христианского населения Востока. Не менее размытым было изложение политической программы, которой правительство было намерено впредь держаться в Восточном вопросе. С одной стороны, отмечалось, что результаты конгресса — это новый шаг на пути исполнения «исторической миссии России» — освобождения христиан Востока, а с другой — выражалась готовность и в дальнейшем действовать «в согласии с Европой». Окончательная развязка Восточного вопроса вручалась высшим силам, поскольку, «несмотря на временные препоны, порождаемые страстями, пороками и слабостями людей, человечество идет к тем же неуклонным целям, которые предназначены ему Провидением».

Полностью умиротворить общественное мнение не удалось, поскольку документ, как и предшествующая политика правящих верхов, носил печать двойственности. Поэтому разными кругами правительственное заявление было воспринято по-разному. Но даже те, кто был менее агрессивен в оценках, в результатах конгресса отмечали слабость правительства и его ошибки, а также и просчеты предшествующей политики в Восточном вопросе¹¹⁹. Нравственное давление настроений, царивших в стране, оказавшее косвенное влияние на политику правительства, было им недооценено и, по словам Мамонова, «свидетельствовало об опасности утраты самодержавием инициативы во внутренней и внешней политике»¹²⁰.

* * *

Берлинский конгресс, собравшийся для подведения итогов Русско-турецкой войны 1878—1879 гг., стал первой международной конференцией, на которой были рассмотрены условия двустороннего мирного договора между Россией и Турцией подписанного в Сан-Стефано. Под давлением Вены и Лондона Петербург был вынужден пойти на уступки и пересмотр планов территориального размежевания на Балканах в пользу населявших его христианских народов.

Прозвучавшие на открытии конгресса слова Бисмарка о цели «утвердить с общего согласия и на основании новых поручительств мир, в котором так нуждается Европа», были знаковыми. В этом мире прежде всего нуждалась Россия, но сразу после завершения работы высокого собрания стало ясно, что прочным этот мир не будет.

Одним из положительных результатов конгресса в «Правительственном сообщении» называлось изменение системы, установленной Парижским трактатом, «который всеми нарушался, и от которого отреклись даже его создатели». Действительно, решениями конгресса была создана новая система международных отношений, однако ее внутренняя противоречивость была чревата новыми неизбежными конфликтами, что после ряда кризисов и привело к ее крушению.

Значительная часть постановлений Берлинского трактата осталась невыполненной или была позднее изменена. Как известно, Турция не провела обещанных реформ местного самоуправления в областях, населенных христианами. Болгария и Восточная Румелия в 1886 г. стали единым княжеством. Тогда же Россия отменила порто-франко в Батуме. В 1908 г. Болгария объявила себя независимым царством, а Австро-Венгрия превратила оккупацию Боснии и Герцеговины в аннексию. Балканские войны 1912—1913 гг. стали началом конца системы, созданной Берлинским конгрессом.

¹¹⁹ См.: *Адо В.И.* Указ. соч., с. 141; *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе..., с. 97.

¹²⁰ *Мамонов А.В.* Указ. соч., с. 73—75.